

ВВЕДЕНИЕ

Россия на рубеже 70—80-х годов XIX в. переживала революционную ситуацию. Это было время бурных событий, отражающих широкое недовольство правительственной политикой со стороны различных общественных сил страны: все больше обострялись социальные противоречия, нарастал демократический подъем. Царизм боялся и народных движений, и революционных действий интеллигенции, и оппозиционных выступлений либералов и всяких слухов о переделе земли, о проектах конституции. Либеральная и демократическая общественность находились в напряжении — все ждали перемен.

Оценивая жизнь России в рассматриваемые годы, В. И. Ленин характеризовал этот период как «время второго демократического подъема»¹, как революционную ситуацию², глубокое теоретическое обоснование которой мы находим в его трудах.

Революционная ситуация явилась отражением бурно меняющейся социально-экономической жизни пореформенной России. Патриархальная деревня, освободившаяся от крепостного права, быстро втягивалась в капиталистические отношения. Рушились старые устои крестьянского хозяйства, формировались классы капиталистического общества. «Период 1862—1904 годов,— писал В. И. Ленин,— был именно такой эпохой ломки в России, когда старое бесспорно, у всех на глазах рушилось, а новое только укладывалось, причем общественные силы, эту укладку творящие, впервые показали себя на деле, в широком общенациональном масштабе, в массовидном, открытом действии на самых различных поприщах лишь в 1905 году»³.

Конечно, массовое народное движение в общенациональном масштабе произошло во время Первой российской революции. Но история его возникновения берет свое начало с первых пореформенных десятилетий. Потенциальные возможности народа, определившиеся во время эпохи падения крепостного права, усилились и своеобразно проявились во время революционной ситуации на рубеже 70—80-х годов XIX в.

Второй демократический подъем был обусловлен не только социально-экономическими явлениями. Следует учитывать и внешнеполитические обстоятельства, оказавшие влияние на различные аспекты жизни страны. События в России всегда привлекали внимание К. Маркса и Ф. Энгельса. В рассматриваемое вре-

мя их интерес был связан с русско-турецкой войной 1877—1878 гг., ускорившей назревание революционного кризиса. Современники развернувшейся борьбы на Балканах, они внимательно следили и за ходом военных действий и за всем тем, что происходило внутри России.

Летом 1875 г. в Боснии и Герцеговине вспыхнуло восстание славянских народов против турецкого ига. В 1876 г. поднялась на борьбу Болгария—20 апреля тревожный звон церковных колоколов возвестил о начале восстания⁴. Летом 1876 г. против Османской империи начали войну Сербия и Черногория. Освободительная борьба славян Балканского полуострова нашла горячую поддержку среди различных слоев общества России. Собирались деньги, закупалось продовольствие, одежда, на помощь восставшим отправлялись добровольцы⁵. В апреле 1877 г. в войну против Турции вступила Россия, хотя страна к этому не была достаточно подготовлена. Но велики были мужество и самоотверженность солдат, искренне желавших помочь славянским народам в борьбе за национальную независимость. Летом 1877 г. русская армия форсировала Дунай, вошла в древнюю столицу Болгарии г. Тырново, заняла Шипкинский перевал; ценой огромных потерь русские солдаты заставили капитулировать гарнизон Плевны. Отряд генерала И. В. Гурко перешел Балканы и занял Софию. Болгары восторженно встречали своих освободителей. В феврале 1878 г. в местечке Сан-Стефано был подписан мирный договор (см. гл. 13).

Русско-турецкая война сильно ухудшила экономическое положение России. Расстройство хозяйства, вызванное мобилизацией мужского населения, оскудение деревни, неурожай, рост цен на продукты питания, безработица — все это привело к обострению социальных противоречий в стране.

К. Маркс и Ф. Энгельс первыми заметили назревание революционного кризиса в России и определили его место в международном освободительном движении. 27 сентября 1877 г. К. Маркс подробно высказался по этому поводу в письме к Ф. Зорге: «Этот кризис — *новый поворотный пункт* в истории Европы. Россия, положение которой я изучил по *русским* оригинальным источникам, неофициальным и официальным..., давно уже стоит на пороге переворота, и все необходимые для этого элементы уже созрели... Переворот начнется *secundum artem* * с конституционных заигрываний, и буча выйдет отменная... Все слои русского общества находятся в настоящее время в экономическом, моральном и интеллектуальном отношении в состоянии полного разложения. Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции...»⁶. К. Маркс и Ф. Энгельс, хотя и переоценили зрелость революционного кризиса и потенциальные возможности общественного движения в России, но убедительно вскрыли социально-экономиче-

ские и политические предпосылки назревания событий, могущих изменить расстановку политических сил в Европе: в самодержавной стране, оставшейся цитаделью контрреволюции, назревал революционный переворот, успех которого повлиял бы на международную ситуацию.

Естественно, что К. Маркс и Ф. Энгельс, анализирующие развитие дальнейших событий, связывали состояние внутреннего положения России с результатами русско-турецкой войны. Весной 1878 г. они указывали, что занятие русскими большей части Европейской Турции может явиться либо «прелюдией общеевропейской войны», либо на предстоящей конференции России «придется отступить от ныне завоеванных позиций», что доведет «народное недовольство до неистового революционного взрыва»⁷. Россия действительно «отступила» на Берлинском конгрессе, общественное мнение страны было оскорблено дипломатическим поражением — кризис усилился. Расстроены кредит, пустая казна, нищета — «таков итог, к которому пришла Россия»⁸, — писал Ф. Энгельс в марте 1879 г.

Рассматривая социально-экономические обострения и общественное недовольство в стране, К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно обращались к оценке действий русских революционеров-народовольцев, называли их дельными людьми, а их террористическую борьбу специфическим методом, «исторически неизбежным способом действия, по поводу которого так же мало следует морализировать — за или против, как по поводу землетрясения на Хиосе»⁹. Такой «способ действия» был вынужденным и являлся ответом на невероятную жестокость правительства, преследовавшего передовых людей России¹⁰. Разрабатывая же концепцию русской революции, основоположники научного коммунизма, вопреки народникам, доказывали, что предстоящий революционный переворот будет не социалистическим, а демократическим¹¹.

Для понимания процесса назревания революционной ситуации в России основополагающее значение имеет анализ расстановки политических сил страны на рубеже 70—80-х годов XIX в. Какие же эти были силы? Самодержавное правительство опиралось на мощный государственный аппарат и выражало интересы господствующих классов. Внутреннюю политику этого правительства определяло стремление сохранить незыблемость существовавших порядков, предотвратить коренные социальные преобразования. Российскому самодержавию противостоял лагерь революционной демократии, добивавшийся политического и социального освобождения России, призывавший к крестьянской революции, к ниспровержению царизма. «Посередине между демократией, с одной стороны, и абсолютизмом вместе с крепостническим землевладением, с другой»¹², находился наметившийся либерально-монархический буржуазный центр. Его представляли обуржуазившиеся помещики, дворянская и буржуазная интеллигенция. Цель либерального течения — установление в России конституционной монархии при сохранении основ существующего строя.

* По всем правилам искусства.

Противоборство самодержавия и революционной демократии, колебания либерального лагеря, особенности позиций и тактики трех политических направлений и явятся предметом изучения в представляемой коллективной монографии.

Проблема свержения политического строя России всегда находилась в центре внимания В. И. Ленина, доказывавшего необходимость покончить с обывательским, созерцательным отношением к существовавшим порядкам. «Как мужик привык к своей безысходной нищете, привык жить, не задумываясь над ее причинами и возможностью ее устранения, так русский обыватель вообще привык к всевластию правительства, привык жить, не задумываясь над тем, может ли дальше держаться это всевластие и нет ли рядом с ним таких явлений, которые подтачивают застарелый политический строй». Так в июне 1901 г. В. И. Ленин начал свою знаменитую работу «Гонители земства и Аннибалы либерализма»¹³. Эти первые слова статьи сразу вскрывали направленность авторской мысли: нужно отказаться от пассивного созерцательства и «задуматься» над свержением всевластия царизма — застарелого политического строя.

Для нашей темы этот труд В. И. Ленина имеет принципиальное значение. В нем дается история пореформенного самодержавия, содержится анализ механизма действия власти в периоды революционных кризисов, дается характеристика диктатуры М. Т. Лорис-Меликова, специально рассматривается вопрос о взаимоотношении правительства и либеральной общественности на рубеже 70—80-х годов XIX в., оценивается роль буржуазных реформ, подчеркивается значение «революционной партии», героической борьбы народовольцев, показывается борьба группировок в правительственном лагере, расстановка классовых сил в момент наступления реакции, когда «волна революционного прилива» оказывалась отбитой¹⁴.

Концепция революционной ситуации изложена в работе В. И. Ленина «Крах II Интернационала», написанной в 1915 г. — в это время в России начинала складываться предреволюционная обстановка. Ценность этой теории заключается в том, что в ней В. И. Ленин определил признаки революционной ситуации, конкретно указал исторические примеры ее проявления, вскрыл соотношение объективных и субъективных факторов в общественной борьбе, отметил необходимость изучения взаимодействия социально-экономических и общественно-политических процессов. В. И. Ленин определил три главных признака революционной ситуации: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис „верхов“, кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы „низы не хотели“, а требуется еще, чтобы „верхи не могли“ жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное по-

вышение, в силу указанных причин, активности масс, в „мирную“ эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими „верхами“, к самостоятельному историческому выступлению»¹⁵.

Без этих «объективных изменений», независимых от воли партий и отдельных классов, «революция — по общему правилу — невозможна». Совокупность этих изменений и называется революционной ситуацией. «Такая ситуация, — писал В. И. Ленин, — была в 1905 году в России и во все эпохи революций на Западе; но она была также и в 60-х годах прошлого века в Германии, в 1859—1861, в 1879—1880 годах в России, хотя революций в этих случаях не было». В этом тексте рассматриваются возможные исходы революционных ситуаций: в первом случае они завершились революциями, во втором — революций не произошло. В чем же причина такого явления?

Для ответа на этот вопрос В. И. Ленин указывает на роль субъективного фактора. Он отмечает, что революция возникает «лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не „упадет“, если его не „уронят“»¹⁶.

В XIX в. в России возникло две революционные ситуации, которые революциями не завершились. Первая сложилась на рубеже 50—60-х годов. Она была вызвана силой социально-экономического развития, обострением в стране революционного кризиса, глубоким общественным недовольством. Правительство уже не могло управлять по-старому и вынуждено было отменить крепостное право в России. 1861-й год ускорил развитие капиталистических отношений, но не разрешил всех задач буржуазного преобразования России. К сохранившимся остаткам феодализма добавился капиталистический гнет.

19 февраля 1861 г. явилось уступкой, но не остановило развитие революционного кризиса. «Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России „Колокола“, могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых „очень часто“ приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставлять принять „Положение“, обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян — мировых посредников применять такое „Положение“, студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»¹⁷.

В этой замечательной ленинской характеристике раскрывается широкая панорама событий, конкретных исторических фактов, важнейших явлений, дающих возможность представить все многообразие слагаемых революционного кризиса.

Текст В. И. Ленина имеет и важное методологическое значение. Он пронизан идеей необходимости рассматривать общественную борьбу в России не изолированно, а в связи с демократическим движением в Европе. Как отметила академик М. В. Нечкина, приведенная ленинская характеристика не содержит «каких-либо определенных дат» начала и конца революционного кризиса, «но упомянутые события легко поддаются хронологической фиксации» и свидетельствуют о длительности рассматриваемого процесса¹⁸.

Революционная ситуация на рубеже 50—60-х годов XIX в. открыла разночинский этап освободительной борьбы в России. Массовым деятелем движения стал разночинец, а «господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество»¹⁹. Основной задачей своей программы народники ставили организацию крестьянской социалистической революции против основ современного общества. Эта генеральная идея была утопичной. Такой революции не произошло. Массовое движение крестьян пошло на убыль. Если в 1861 г. насчитывалось 1859 крестьянских волнений, то в 1863 г. их было 509, а в 1868 г. — 60 волнений²⁰.

Спад революционной борьбы, самоликвидация революционной организации — первой «Земли и воли» привели к кризису революционно-демократической идеологии, обострению вопроса о роли народа в социальном переустройстве общества. В этих условиях начала проявляться новая тенденция: раз не народ, то интеллигенция должна взять на себя революционную инициативу, что в конечном счете привело к бланкизму, к террористической тактике. С конца 70-х годов XIX в. эта тактика активно проявилась в действиях революционеров, стремившихся путем террора взбудоражить народ, поднять крестьян на революцию. В условиях всеобщего недовольства такой метод действия вызывал глубокую тревогу самодержавия, пытавшегося найти выход из создавшегося положения.

Россия в революционной ситуации на рубеже 70—80-х гг. как единая комплексная проблема еще не являлась предметом специального исследования. Между тем отдельные ее компоненты нашли отражение в советской историографии. Обстоятельно изученными оказались и революционно-демократическое движение, и внутренняя политика, и крестьянское движение, и борьба российского пролетариата и журналистика и ряд других тем. Все это создало благоприятные предпосылки для создания обобщающей работы, посвященной важнейшему историческому явлению.

Понятно, что революционная ситуация и ее закономерности не могли стать темой изучения либерально-буржуазной и реакционной историографии. Однако представители этих направ-

лений пытались оценить особенности и характер событий на рубеже 70—80-х годов XIX в., выяснить причины кризиса политики правительства. Либеральные историки вынуждены были признать, что самодержавный строй находился в состоянии тяжелого заболевания, что мероприятия, проводимые гр. М. Т. Лорис-Меликовым, могли привести к успокоению общественного мнения, но этому помешали «безумные нигилисты»²¹.

Иногда высказывалось мнение, что общественная борьба в России возникла из-за неудачной политики правительства, оказавшегося неспособным вести последовательно либеральный курс и умно реагировать на оппозиционное движение²². Правительство стремилось отстаивать устаревшие институты, преследовало прогрессивные идеи и этим привело страну к революционному брожению. «Доведенное до отчаяния репрессиями, население выделяет из своей среды» одержимых «фанатиков», не менее упорных, чем само правительство. В результате нарушилось планомерное развитие страны, усилилось недовольство и негодование в общественных кругах²³. Эту же идею, но в более обнаженном виде, с монархических позиций высказал С. С. Татищев, утверждавший, что сам Александр II «щедрою царскою рукою» даровал гражданские права, а его сотрудники и советники не всегда точно исполняли державную волю государя. Это, дескать, и привело к промахам и ошибкам в руководстве страной и явилось причиной «трагического исхода»²⁴.

Таким образом, русской буржуазно-либеральной (и отчасти реакционной) историографии свойственна определенная схема в объяснении сложившихся событий: не объективные условия, а ошибочный правительственный курс довел страну до кризисной ситуации. Будь действия властей разумнее, прояви администрация больше лояльности и изворотливости — Россия миновала бы «трагический исход».

После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. изучение всей рассматриваемой проблемы началось далеко не сразу. В первые годы Советской власти, естественно, привлекла внимание тема революционного движения на рубеже 70—80-х годов XIX в.²⁵ Потом обратились к изучению правительственной политики. Начало исследования этого вопроса положил академик Ю. В. Готье, выступивший с интересной и ярко написанной статьей²⁶. К сожалению, автор несколько сузил свою тему, не связал ее с общим положением страны в период кризиса, не обозначил проблему революционной ситуации. Впервые на основе ленинской методологии эта проблема была поставлена в вузовском учебнике (Россия в XIX в.) по истории СССР под редакцией М. В. Нечкиной — в разделе, написанном М. И. Хейфецом. Так в 1949 г. в советской историографии вторая революционная ситуация была определена как важный этап освободительного движения в России.

Комплексно исследовал эту тему Ш. М. Левин, показавший противоречия социально-экономической жизни страны,

сложившиеся к концу 70-х годов²⁷. Еще более обстоятельно характеристика России во время революционной ситуации была дана в монографиях М. И. Хейфеца и П. А. Зайончковского. В них на широком и многообразном круге источников был изучен кризис внутренней политики царизма и определена роль различных классов и социальных групп на рубеже 70-х — начала 80-х годов XIX в. Впервые в историографии в этих работах была раскрыта взаимосвязь социально-экономических процессов с общественным движением и кризисом правительственной политики. Если М. И. Хейфец утверждал, что крестьянское движение в конце 70-х годов XIX в. «было решающим фактором второй революционной ситуации в России»²⁸, то П. А. Зайончковский, опираясь на статистику крестьянского движения, отрицал это и, анализируя деятельность народолюбцев, приходил к выводу, что в условиях общей напряженной обстановки, сложившейся в деревне, «именно героическая борьба народных явилась непосредственной причиной, вызвавшей растерянность правительственных кругов»²⁹.

Многое для понимания позиции абсолютизма, государственного управления и внутренней политики в периоды революционных ситуаций XIX в. дала монография В. Г. Чернуха. В ней доказывается, что линия правительственного «конституционализма» в 70-е годы не имеет хронологического перерыва; развиваясь по нарастающей, она достигает апогея в 1880—1881 гг.³⁰ В книге В. А. Твардовской показывалось, что самодержавие на рубеже 70—80-х годов XIX в. переживало не только политический, но и идейный кризис, раскрывалось противоборство прогрессивных и реакционных идейных течений в общественной борьбе³¹.

Важнейшие результаты были достигнуты в изучении героических страниц истории «Народной воли» — возникновения политического направления, деятельности и идеологии партии в период революционного кризиса³².

В области социально-экономических исследований хотелось бы выделить получившую Ленинскую премию монографию о русской деревне академика Н. М. Дружинина, пришедшего к принципиальному выводу, что «уступки, вырванные у самодержавия в период второй революционной ситуации, при всей их ограниченности послужили рубежом между первым пореформенным двадцатилетием, этим тягчайшим периодом в жизни русской деревни, и периодом дальнейшего развития новой социально-экономической формации»³³.

В монографиях Н. А. Троицкого раскрывалось взаимодействие внутренней политики самодержавия и российского общественного движения, определялось место политических процессов над революционерами в идейной жизни России и Западной Европы³⁴. Ряд работ был посвящен изучению крестьянского и рабочего движения в годы второй революционной ситуации, определению их роли в общественной борьбе³⁵. В них дается статистика и раскрываются особенности крестьянских выступлений в различных

районах нашей страны, анализируются причины усиления стачечного движения на рубеже 70—80-х годов XIX в., выясняется место «Северного союза русских рабочих» в годы демократического подъема. Появились исследования по истории либерализма и демократической журналистики, дающие возможность проследить различные оттенки оппозиционного движения³⁶.

Проблема второй революционной ситуации в качестве темы исследования начала привлекать внимание историков национальных районов нашей страны. Предметом изучения стали вопросы связей и взаимовлияния центра и региона в годы демократического натиска на самодержавие, сравнительный анализ первой и второй революционных ситуаций, выяснение особенностей развития революционного кризиса в различных районах России³⁷. Разумеется, это только начало разработки большой и сложной проблемы, нуждающейся в дальнейшем углубленном исследовании.

Оценка рассматриваемой проблемы в зарубежной историографии была весьма ограниченной и сводилась в основном к анализу взаимоотношений самодержавия и революционеров. При этом господствовала тенденция преувеличения западного влияния (точнее, его искаженного восприятия) на развитие духовной жизни России. Этим, например, отличалась вышедшая в 1885 г. книга прогрессивного американского деятеля Э. Нобля «Русский мятеж: его причины, условия и последствия» — одна из первых зарубежных работ, посвященных освободительной борьбе в России. При этом автор отметил, что действия революционеров явились ответом на тиранию самодержавия и отражали любовь интеллигенции к страдающему народу своей страны³⁸.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции оценка истории общественной борьбы в России в работах зарубежных буржуазных авторов получила политическую заостренность. Английский дипломат и историк Дж. Бэдди прямо заявил, что в эпоху Александра II правительство могло бы с помощью решительных мер справиться с революционным движением³⁹. Эта точка зрения нашла свое продолжение. Автор французского «Учебника по русской истории» П. Ковалевский указывал, что «козни» революционеров помешали процветанию России: «Царство реформ завершается в крови в тот день, когда новый этап мог бы быть пройден по пути прогресса»⁴⁰.

По мнению английского мемуариста и историка Б. Пейрса, реформы Александра II способствовали прогрессивному развитию страны, а проект гр. Лорис-Меликова был «огромным шагом» по пути победы принципов представительства и только действия народолюбцев 1 марта 1881 г. остановили якобы этот путь. Его книга «Россия: между реформой и революцией» — сводный труд, написанный во многом на материалах собственных воспоминаний⁴¹.

Среди работ французских историков выделяется исследование Сильвена Бенсидуна, посвященное истории русского крестьянства. Находясь под влиянием марксистской исторической науки, автор

справедливо указывает на социально-экономические предпосылки «политического кризиса 1879—1881 гг.». Он видит главную причину этого кризиса в том, что происходит «обострение противоречий между феодально-крепостническими пережитками и растущими капиталистическими отношениями», что и привело к «незавершенности буржуазных реформ»⁴².

Американский историк Марк Раев усмотрел основное противоречие пореформенного общества в том, что «старая традиция государственного лидерства и контроля сохранялась на самой вершине русской государственной структуры», в то время как «русское общество все больше и больше выбивалось на собственный путь»⁴³. Попытка гр. Лорис-Меликова наладить сотрудничество правительства с общественными кругами не увенчалась успехом. Дальнейшее показало, что самодержавие не смогло «реформировать себя изнутри», приспособиться к «трансформации русского общества»⁴⁴, проявить необходимую гибкость — все это в конечном счете привело к распаду царского режима.

Так, среди зарубежных историков появились исследователи, пытавшиеся в той или иной мере изучить социально-экономические предпосылки, сложившиеся в стране в конце 70-х — начале 80-х годов XIX в., определить объективные причины возникновения революционного кризиса.

В советской же историографии эти вопросы находятся в центре внимания исследователей. При этом имеется в виду, что на широких просторах Российской империи революционная ситуация в разных районах страны проявлялась своеобразно, имела специфические особенности и формы борьбы; социальные обострения в них сказывались то в большей, то в меньшей степени. Все это определяло и силу революционно-демократического протеста. В этой связи перед исследователями встает проблема (отдельные ее сюжеты, как мы указали, явились предметом изучения) выяснения взаимодействия центра и периферии, определения того, как в общественном мнении национальных районов преломлялись кризисные явления, как развивалось национально-либеральное движение в период общероссийского демократического подъема. Многие еще в этом плане не изучено. Настоящая монография, посвященная исследованию событий, развернувшихся как в центральных российских губерниях, так и в национальных (хотя и не во всех) регионах, послужит началом для дальнейшего изучения общероссийского кризиса.

Авторы представленной монографии поставили задачу вскрыть предпосылки и проследить историю возникновения кризиса экономики страны: состояния сельского хозяйства, промышленности, транспорта, финансов. Особое внимание уделено анализу положения трудящихся — обострению нужды и бедствий народных масс, характеру недовольства, вызреванию протеста против существующих порядков. При изучении крестьянского движения необходимо было выяснить особенности напряженного положения в деревне, выразившегося не в широкой волне крестьянских выступлений,

а в глубоком всеобщем брожении сельского населения. Борьба рабочих в годы революционной ситуации явилась одной из особенностей изучаемого исторического этапа. Стачечное движение конца 70-х годов, обнаружившее новые качественные явления, деятельность «Северного союза русских рабочих» — все это явилось предметом тщательного изучения, позволившего определить значение борьбы российского пролетариата во второй революционной ситуации.

Одно из центральных мест занимает исследование кризиса правительственной политики — его возникновение, развитие, этап наивысшей растерянности правительства, вынужденного искать выхода из создавшейся ситуации. Большой раздел коллективной работы посвящен исследованию деятельности революционно-демократической интеллигенции — народолюбцев и чернопередельцев. В нем оцениваются все аспекты подпольной работы революционеров, определяется место террора народолюбцев, вызванного деспотизмом российского самодержавия.

Специально освещается в монографии деятельность либералов, студенческое движение, дается анализ демократической журналистики, рассматривается отражение революционных событий в русской и зарубежной культуре. Такое комплексное исследование позволяет определить расстановку социальных сил и представить всю гамму оттенков демократического подъема в стране.

Авторы поставили своей целью изучить отклики в западноевропейской прессе и определить отношение к революционному кризису в России различных общественных кругов Англии, Германии, Франции. Наряду с этим в монографии раскрываются дипломатические отношения России с другими странами и таким путем устанавливается взаимодействие внутренней и внешней политики страны.

Разумеется, говорить о сложившейся революционной ситуации можно лишь тогда, когда проявляются в действии все ее элементы. Отсутствие одного из них не дает права признавать наличие общенационального кризиса. Но, как всякое историческое явление, вторая революционная ситуация должна рассматриваться в процессе возникновения, нарастания ее признаков, определения наивысшего подъема, спада общественной борьбы, укрепления, наконец, позиций самодержавной власти.

Исходя из этого, авторский коллектив ограничил тему исследования хронологическим периодом: с 1878 по 1882 г. Такой временной этап обуславливается конкретными событиями. 31 марта 1878 г. начинается работа Особое совещание — специальный орган власти, направленный «для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности в империи». 30 мая 1882 г. министром внутренних дел назначается ярый реакционер гр. Д. А. Толстой, что окончательно знаменовало выход правительства из кризиса и переход его к жесткому государственному курсу⁴⁵.

Вторая революционная ситуация революцией не завершилась, правительство сломить не удалось: не было класса, способного

возглавить социальный переворот, т. е. отсутствовали необходимые субъективные перемены. Авторы монографии и поставили своей задачей исследовать всю совокупность объективных и субъективных факторов движения, определить характер их взаимоотношений и установить конкретные причины того, почему кризис самодержавия в России на рубеже 70—80-х годов XIX в. не завершился революцией.

*

Сектор истории СССР периода капитализма Института истории СССР АН СССР благодарит многочисленных участников обсуждения текста коллективной монографии за их замечания и пожелания. Редакционная коллегия и авторы выражают свою признательность рецензентам докторам исторических наук В. Ф. Антонову, В. Я. Гросулу, Б. Г. Литваку, Е. Л. Рудницкой, давшим ряд ценных советов.

Научно-вспомогательную и организационную работу по подготовке рукописи к печати выполнила И. В. Ледовская.

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 44; т. 17, с. 297.
- ² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 219.
- ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 102—103.
- ⁴ См.: Улуян А. А. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и России: (Очерки). М., 1978, с. 85.
- ⁵ Подробнее см.: Россия и национально-освободительная борьба на Балканах, 1875—1878. М., 1978; Нарочницкая Л. И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах, 1875—1878 гг.: К столетию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. М., 1979; Гросул В. Я. Революционная Россия и Балканы (1874—1883). М., 1980; Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50—70-х годах XIX в. М., 1979.
- ⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 229—230.
- ⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 146.
- ⁸ Там же, с. 158.
- ⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 147—148.
- ¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 158; т. 21, с. 197.
- ¹¹ См.: Конюшая Р. П. Карл Маркс и революционная Россия. М., 1975, с. 373—378.
- ¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 219—220.
- ¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 25.
- ¹⁴ См.: Там же.
- ¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 218.
- ¹⁶ Там же, с. 219.
- ¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 29—30.
- ¹⁸ Революционная ситуация в России в середине XIX в.: Коллективная монография / Под ред. акад. М. В. Нечкиной. М., 1978, с. 6.
- ¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.
- ²⁰ Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г.: Сб. док. М., 1963, с. 736; Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг.: Сб. док. / Под ред. Л. М. Иванова. М., 1964, с. 798—400.
- ²¹ [Чичерин Б. Н.] Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1901, с. 31.

- ²² Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II. М., 1909, с. 259—260.
- ²³ Белокоцкий И. П. Земства и конституция. М., 1910, с. 5.
- ²⁴ Тагицев С. С. Император Александр II: Его жизнь и царствование. СПб., 1903, т. 2, с. 662.
- ²⁵ В журналах «Каторга и ссылка», «Былое», «Красный архив», в отдельных изданиях важное место отводилось истории революционного народничества. Большая дискуссия велась по поводу исторического значения «Народной воли». К 50-летию «Народной воли» в газете «Правда» (1930, 9 апр.) были опубликованы Тезисы отдела культуры и пропаганды ЦК ВКП(б). Подробнее об этом см.: Итенберг Б. С. Революционная ситуация в России на рубеже 1870—1880-х годов: (История и задачи изучения). — История СССР, 1982, № 1.
- ²⁶ Готье Ю. В. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. — Исторические записки, 1938, т. 2.
- ²⁷ Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в. М., 1958, с. 471—472.
- ²⁸ Хейфец М. И. Вторая революционная ситуация в России (Конец 70-х — начало 80-х годов XIX в.): Кризис правительственной политики. М., 1963, с. 46. Еще в 1962 г. (Вопросы истории, № 2) появилась статья М. И. Хейфеца «Вторая революционная ситуация в России: (К вопросу о кризисе верхов в 1879—1881 гг.)». В ней автор определил расстановку классовых сил, вскрыл социально-экономические причины возникновения кризиса самодержавия и определил его этапы.
- ²⁹ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х гг. М., 1964, с. 474.
- ³⁰ Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX в. Л., 1978.
- ³¹ Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия: (М. Н. Катков и его издания). М., 1978.
- ³² См.: Волк С. С. Народная воля, 1878—1882. М.; Л., 1966; Седов М. Г. Героический период революционного народничества: (Из истории политической борьбы). М., 1966; Твардовская В. А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х гг. М., 1969; и др.
- ³³ Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе, 1861—1880 гг. М., 1978, с. 265.
- ³⁴ См.: Троицкий Н. А. Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма, 1866—1882 гг. М., 1978, с. 183; Он же. Царизм под судом прогрессивной общественности, 1866—1895 гг. М., 1979.
- ³⁵ См.: Юферов Я. Крестьянское движение в России в конце 70-х и в 80-х годах XIX в. — Учен. зап. Свердл. гос. пед. ин-та, 1939, вып. 2; Батова Е. И. Крестьянское движение в великорусских губерниях России в период революционной ситуации 1879—1880 гг. — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1956, т. 13, вып. 2; Пойда Д. П. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866—1900 гг.). Днепрпетровск, 1960; Крикунов В. П. Крестьянское движение на Дону и Северном Кавказе в 60—70-х годах XIX в.: (Очерки). Грозный, 1965; Корольчук Э. А. «Северный союз русских рабочих» и революционное рабочее движение 70-х годов XIX в. в Петербурге. Л., 1946; Горякина В. С. Деятельность народников среди рабочих Петербурга в период революционной ситуации 1879—1881 гг. — История СССР, 1961, № 3; Соколов О. Д. На заре рабочего движения в России. 2-е изд. М., 1978; и др.
- ³⁶ Пирумова Н. М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977; Петров Ф. А. Нелегальные общеземские совещания и съезды конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. — Вопросы истории, 1974, № 9; Серебrenникова В. Г. Демократическая журналистика периода второй революционной ситуации. — В кн.: Общественное движение в пореформенной России: Сб. статей к 80-летию Б. П. Козьмина. М., 1965, с. 344—365; и др.
- ³⁷ См.: Першина З. В. Южная Украина в годы первой и второй революци-

онных ситуаций: (Проблема центра и региона в российском освободительном движении). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1977; Рудько М. П. Революційні народники на Україні (70-е роки XIX ст.). Київ, 1973; Крикунов В. П. Революционные разночинцы на Северном Кавказе. Нальчик, 1958; Самбук С. М. Революционные народники Белоруссии (70-е — начало 80-х годов XIX в.). Минск, 1972; Роцесская Л. П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. Тюмень, 1976, гл. III. Политическая ссылка в Западной Сибири в период второй революционной ситуации; и др.

³⁸ Noble E. The Russian Revolt: Its Causes, Conditions and Prospects. Boston, 1885, p. 230.

³⁹ Baddley J. Russia in the «Eighties». London, 1921, p. 108. Подробнее о зарубежной историографии см.: Корначев М. Д. Русские революционеры-разночинцы и буржуазные фальсификаторы. М., 1979; Романовский Н. В. Ричард Пайпс — профессиональный антисоветчик. — Вопросы истории, 1982, № 3.

⁴⁰ Kovalevsky P. Manuel d'histoire russe: Eurasie et l'Occident. Paris, 1954, p. 289.

⁴¹ Pares B. Russia: Between Reform and Revolution. N. Y., 1962, p. 60.

⁴² Bensidoun S. Les mouvements paysans dans le Cernozem Central de 1881 à 1902. Lille, 1973. См.: Мочалова Е. В. Историки Франции об общественно-политическом движении в России 70—80-х годов XIX в. — История СССР, 1980, № 5, с. 209—215.

⁴³ Raeff M. Plans for Political Reform in Imperial Russia. New York, 1966, p. 36.

⁴⁴ Ibid., p. 37—38.

⁴⁵ Этих же хронологических рамок второй революционной ситуации придерживаются и другие исследователи. См.: Хейфец М. И. Указ. соч., с. 231—232; Зайончковский П. А. Указ. соч., с. 475; Волк С. С. Указ. соч., с. 63—64; и др.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РОССИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ НА РУБЕЖЕ 70—80-х ГОДОВ XIX в.

Проведенные в 1861 г. крестьянская и последовавшие за ней другие буржуазные реформы «переворотили» весь бывший крепостнический общественно-экономический строй¹. Землевладение крестьян отделялось от помещичьего, бывшие крепостные стали лично свободными, все крестьяне получили одинаковое местное самоуправление, для них, с некоторыми ограничениями, были установлены общегражданские имущественные права, равная с другими сословиями ответственность по уголовным преступлениям (буржуазный суд). 25-летняя рекрутская повинность в 1874 г. была заменена 4-летней всеобщей воинской повинностью. Россия, в том числе и деревенская, прочно вступила на путь капиталистического развития. Однако в стране сохранялись многие крепостнические пережитки.

1. Землевладение после реформ 60-х годов XIX в.

Население деревни после реформ 60-х годов стало быстро увеличиваться, а земельные ресурсы оставались прежними. Более того, в результате реформы 1861 г. у бывших помещичьих крестьян они были сильно сокращены. В. И. Ленин по поводу пятидесятилетия реформы 1861 г. писал: «Пресловутое „освобождение“ было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними. По случаю „освобождения“ от крестьянской земли отрезали в черноземных губерниях свыше $\frac{1}{5}$ части. В некоторых губерниях отрезали, отняли у крестьян до $\frac{1}{3}$ и даже до $\frac{2}{5}$ крестьянской земли. По случаю „освобождения“ крестьянские земли отмежевывали от помещичьих так, что крестьяне переселялись на „песочек“, а помещичьи земли клинком вгонялись в крестьянские, чтобы легче было благородным дворянам кабалить крестьян и сдавать им землю за ростовщические цены. По случаю „освобождения“ крестьян заставили „выкупать“ их собственные земли, причем содрали вдвое и